

Б.М. Пудалов

**ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИСТОРИКА: АРХИВНЫЙ ФОНД
Е.В. КУЗНЕЦОВА**

Фонды и коллекции документов ученых-историков, хранящиеся в государственных архивах России, по праву считаются важным источником для изучения развития исторической науки. Поэтому усилия архивистов Нижегородской области,

помимо прочего, традиционно направлены на сохранение документального наследия выдающихся «служителей Клио» в нашем регионе. Наибольший интерес представляют фонды, составленные самими учеными при жизни, в тесном взаимодействии с сотрудниками архивов, потому что здесь документы обычно дают дополнительные и очень важные штрихи к портрету историка на фоне эпохи.

Среди таких комплексов личного происхождения примечателен фонд профессора, д.и.н. Евгения Васильевича Кузнецова (1931–2023) – авторитетного ученого, на протяжении ряда лет по сути возглавлявшего историческую науку в нашем регионе. Будучи деканом историко-филологического факультета (истфила) Горьковского государственного университета (ГГУ) в 1971–1981 гг., Е.В. Кузнецов заведовал здесь кафедрами всеобщей истории в 1969–1976 гг. и истории СССР феодального и капиталистического периодов в 1976–1984 гг., а впоследствии был профессором в Горьковском и Арзамасском педагогических институтах. Поэтому Евгений Васильевич памятен нескольким поколениям выпускников этих вузов, что обусловило выпуск в свет юбилейных сборников воспоминаний. Тем более интересно сравнить образ ученого в этих изданиях с тем, каким предстает историк в документах архивного фонда личного происхождения.

Спешу сразу оговориться: я не был ни учеником, ни сотрудником Е.В.Кузнецова. Будучи студентом-филологом истфила ГГУ в 1979–1984 гг., то есть в период работы здесь Евгения Васильевича, я никогда не сдавал ему зачетов или экзаменов и не слушал учебных курсов, которые он вел (пара лекций – не в счет). Да и тематика научных работ профессора оставалась от меня далекой, если не считать истории доллардов в Англии на рубеже XIV–XV вв.: интересно было искать хотя бы отдельные черты сходства между этим движением и русскими вольнодумцами того же времени, составителями рукописных сборников поучений. Со своей стороны, Е.В. Кузнецов, в то время декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой, профессор и доктор исторических наук, то есть человек, облеченный административной властью и научным авторитетом, если и знал о моем существовании, то наверняка не выделял из общей массы студентов, хотя бы и отличников (таковых на истфиле всегда хватало). В итоге не приходится говорить о каком-либо знакомстве и общении, формальном и уж тем более неформальном. Ситуация не изменилась и впоследствии, с началом моей работы в архиве: несколько встреч

на совещаниях носили абсолютно служебный характер и не сопровождались беседами.

Но обширный личный фонд Е.В. Кузнецова, хранящийся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО. Ф. Р-1175; четыре описи, 402 единицы хранения. В дальнейшем номер фонда ЦАНО не оговаривается), позволяет попытаться наметить дополнительные штрихи к портрету историка. Важно еще раз подчеркнуть, что профессор сам сформировал этот фонд и подготовил его к сдаче. Последнее обстоятельство очень примечательно: гораздо чаще личные фонды ученых составлены после их смерти близкими людьми или передаются в архив безо всякой системы, россыпью (дескать, «вы там сами разберетесь»). Предварительный отбор документов, продуманность системы их расположения в фонде, постоянные контакты со специалистами архива свидетельствуют о заинтересованности Евгения Васильевича в сохранении своего документального наследия [1]. Похоже, профессору были известны слова Ираклия Андронникова: «Архив не только след вчерашнего дня, принадлежащего нашим предшественникам. Это мы сами в завтрашнем дне. Мы – какими увидят нас наши потомки».

Каким же смогут увидеть Евгения Васильевича Кузнецова грядущие поколения исследователей («потомки») по материалам его личного фонда? Коль скоро речь идет о титулованном ученом, то наибольший интерес, разумеется, представляют материалы научной деятельности по темам диссертаций – кандидатской и особенно докторской, защищенной в 1973 г. в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина по теме «Движение лоллардов в Англии конца XIV–XV вв. (исследование по истории социальной борьбы в феодальной Англии)» [2]. Материалы эти, действительно, впечатляют даже архивиста, далекого от проблем истории средневековой Англии. Автореферат диссертации (Оп. 3. Д. 3), внешне совсем небольшая брошюрка на 37 страницах, написан в лучших традициях советской исторической школы. Здесь приведен внимательный разбор истории изучения вопроса и показано столкновение мнений английских ученых; проанализированы источники, в том числе ранее не привлекавшиеся к исследованию. Диссертант обосновал интересный вывод о трех этапах развития движения лоллардов, с конца XIV в. и до последней трети XV в. Все выводы Е.В. Кузнецова основаны на тщательно проработанном материале источников и предшествующих исследований: об этом свидетельствуют два с лишним десятка общих тетрадей, с выписками преимуще-

ственно на старом и современном английском языке (Оп. 3. Д. 8) [3]. Как и положено, основные выводы научной работы были апробированы в предшествовавших ей статьях, но материала с избытком хватило и на последующие публикации [4]. Поэтому закономерной представляется высокая оценка диссертации в положительных отзывах оппонентов и других ученых-медиевистов: В.И. Рутенбурга, М.А. Барга, А.А. Кирилловой, В.В. Штокмар (Оп. 1. Д. 33).

Немаловажным достоинством диссертации стал очень живой и доступный стиль изложения сложного средневекового материала. По этому поводу профессор Ю.Л. Бессмертный писал: «Завидую яркости Вашего пера» (Оп. 1. Д. 38. Л. 1). Присущую научным работам Е.В. Кузнецова живость и яркость стиля отмечал и авторитетный ученый-медиевист С.В. Фрязинов (Там же. Д. 41. Л. 1). Правда, наряду с этим ученые, состоявшие в переписке с Е.В. Кузнецовым, иногда отмечали некоторую нелогичность, недостаточное обоснование выводов: здесь примечательны, например, замечания В.В. Штокмар (Там же. Д. 43. Л. 1-2). В ответе официальным оппонентам Е.В. Кузнецов справедливо заметил, что средневековое народное богословие («может быть, лучше сказать, богоискательство») «слишком причудливо, чтобы его можно было втиснуть в рамки жестко детерминированной схемы» и сослался на свой опыт знакомства с состоянием сектантских общин на территории Горьковской области к началу 1970-х гг. (Там же. Л. 20).

На этом фоне несомненного успеха Е.В. Кузнецова как ученого-медиевиста непонятны причины его перехода с кафедры всеобщей истории, которой он заведовал в 1971–1976 гг., на кафедру истории СССР (заведующий в 1976–1984 гг.). Документы личного фонда никак не объясняют это решение, при том, что обычно Евгений Васильевич старался показать (прямо или косвенно) в передаваемых в архив материалах мотивы своих действий. Поэтому о причинах можно лишь догадываться. Обычно этот странный переход принято объяснять стремлением укрепить кафедру, призванную заниматься отечественной историей. Действительно, в научном смысле «отечественники» выглядели откровенно слабее медиевистов: уход ряда сотрудников отрицательно сказался на изучении истории России XIX в., о специалистах по русскому средневековью говорить не приходилось, а наиболее сильные историки, изучавшие советский период, работали либо на кафедре истории КПСС, либо вообще в других вузах, так что на долю студентов ГГУ оставался незабываемый Василий Иванович Ефимов, на лекции которого ходили как

на клоунаду в цирк (впоследствии он покинул университет и, кажется, был все-таки лишен ученых степеней и званий). Переходя в это «болото», Евгений Васильевич удалялся от сильных профессионалов, по большому счету не уступавших ему ни по уму, ни по знаниям. Чтобы оставаться авторитетом для коллег-медиевистов, надо было много и упорно работать, причем именно в научной сфере, где оценивать будут строго и нелицеприятно. Как знать, быть может, это была одна из причин того предпочтения, которое профессор, уже получивший признание и занявший определенное положение, отдал развеселой и не слишком обремененной знаниями кафедре истории СССР?

Как бы то ни было, научный уровень работ Е.В. Кузнецова с конца 1970-х гг. приходится сопоставлять с публикациями его младших коллег – «отечественников», которых профессору предстояло «выводить в люди». В личном фонде сохранились два откровенно слабых автореферата диссертаций по русскому средневековью, преподнесенных в дар со словами признательности за помощь (Оп. 1. Д. 101, 103) [5]. Но какой разительный контраст между этими сочинениями – и трудами коллег-медиевистов 1960-начала 1970-х гг.! Уровень окружения не мог не повлиять на работы самого руководителя. Характерный пример – статья Е.В. Кузнецова по тематике русского средневековья, получившая название «К вопросу об исторических судьбах русских земель и княжеств после Батыева нашествия» (полный вариант, в черновом виде, см.: Оп. 3. Д. 13; опубликована с сокращениями в 1986 г. в научном сборнике ГГУ). Материал этот едва ли можно назвать статьей или исследованием: по жанру это скорее просветительский очерк, не имевший серьезного научного значения даже в период его написания. Увы, вскоре и сама средневековая тематика уходит из сферы научных интересов Е.В. Кузнецова, уступая место откровенной публицистике.

Порой диву даешься, сколько времени серьезный ученый-историк мог потратить на «методические рекомендации для преподавателей курса истории СССР», написанные в 1984 г. в соавторстве! [6]. Нелепым выглядит и само заглавие всей этой объемистой публицистики: «Коммунистическая партия Украины – организатор разгрома махновщины» (Оп. 2. Д. 9). Ясно и понятно, что разгром махновщины – заслуга воинских соединений под общим командованием М.В. Фрунзе, а подрыв социальной базы повстанчества – результат начала НЭП, вводившейся из Москвы. Так при чем же тут Компартия Украины?!.. Сейчас подобные сочинения профессиональных

историков принято объяснять давлением «тоталитарного режима», но в ответ так и хочется спросить: уж не К.У. Черненко ли «давил», или, может, это Брежнев с Сусловым запрещали заниматься медиэвистикой?

Судя по сохранившейся переписке, Е.В. Кузнецов интересовался судьбой своих дипломников, призывая их «не исchezать на два года». И бывшие студенты выражали готовность продолжать научную работу под руководством уважаемого профессора. Увы, упоминаемые в письмах 1980-х гг. темы далеки от исторических исследований и скорее подошли бы политологам и пропагандистам: «Религия и современный мир капитала», «Религия на службе милитаризма» (см., например: Оп. 2. Д. 30). Евгений Васильевич, с его умом и профессиональной подготовкой, не мог не понимать, что выбор темы бывшими выпускниками порой продиктован соображениями, далекими от науки. Но готов ли был ученый примирительно отнестись к такому?

Переписка свидетельствует, что порой принципиальность историка брала верх над сиюминутными соображениями. Примечательно согласие Е.В. Кузнецова с критическими замечаниями доцента ГГУ к.и.н. Т.В. Гусевой, высказанными в 1985 г. по поводу направленных ей на отзыв статей горьковских краеведов (Оп. 3. Д. 92). Т.В. Гусева писала: «Присланные статьи чрезвычайно слабы. Самый большой недостаток – их описательность, отсутствие исторического анализа». Евгений Васильевич отметил некоторые фрагменты записки и внизу написал: «Ответить, что все правильно!» – и дважды подчеркнул последнее слово.

Полемическая страстность Е.В. Кузнецова наиболее ярко проявилась в отрицательном отзыве на докторскую диссертацию О.А. Колобова (Оп. 3. Д. 50, не ранее 1986 г.). В отзыве звучат нелицеприятные выражения: например, применение индукционного метода исследования названо «методическим архаизмом диссертанта», и далее следует гневное: «Использовать сейчас индукционный метод при анализе сложнейших процессов в международной политике, это все равно, что, взгромоздившись на донкихотовского Росинанта, выдвигать претензии на победу в автоталли поперек австралийского континента» (там же, л. 1). В целом же, по мнению Е.В. Кузнецова, диссертант склонен подменять классовый анализ национальным (Л. 9). Впрочем, тема диссертации («Механизм формирования политики США по отношению к Израилю и арабским странам») слишком далека от английского средневековья, и по материалам личного фонда невозможно судить, насколько

ко глубоко Е.В. Кузнецов разбирался в данной проблематике. Поэтому нельзя исключить, что к научному неприятию методики диссертанта примешивалось что-то личное, лежащее за пределами науки.

И уж откровенно вне исторической науки лежит общественная деятельность Е.В. Кузнецова. С присущей ему страстностью профессор пытался организовать работу регионального «добровольно-патриотического общества «Отчизна»» (насколько можно понять, это общественная организация по типу пресловутого общества «Память»). Один из наиболее ярких документов – послание А.И. Солженицыну, вызванное публицистическим эссе последнего «Как нам обустроить Россию?» (Оп. 4. Д. 55, вскоре после сентября 1990 г.). Конечно, спустя три с лишним десятилетия это послание выглядит наивным. Коробит восторженно-раболепный тон некоторых фрагментов: «С волнением и где-то со слезами прочитали...», «Нижегородское добровольно-патриотическое общество «Отчизна» молит Бога о Вашем здоровье и долголетии». А если учесть, что Е.В. Кузнецов долгие годы был членом КПСС, то не могут не удивлять и пассажи о «разжиревшей на труде русских рабочих «партийно-теневых» мафиози и оберегающих институтов», «воссоздание государства русского народа России, во главе с освященным историей и Христовой религией Предводителем» (там же, л. 1-2, орфография оригинала сохранена). Впрочем, на рубеже 1980-90-х гг. и не такое звучало из уст бывших коммунистов. Но как-то не вяжется все это с обликом серьезного, вдумчивого ученого-историка 1960-1970-х гг.

Материалы личного фонда Е.В. Кузнецова не дают возможности проследить развитие и изменение его политических взглядов и общественных симпатий на протяжении долгой жизни ученого. Нередко попадает критика «идейных позиций диссидентов шестидесятых годов» и обличение «идей, противоречащих азам марксизма-ленинизма» (Оп. 3. Д. 85. Л. 4). Наряду с этим встречаются, например, беглые упоминания В.Н. Емельянова: его «справка» именуется «официально непризнанным, но... блестяще написанным сочинением», хотя оговорено, что «Емельянов доводил критику сионизма до крайних пределов» (Оп. 3. Д. 50. Л. 9) [7]. Понятно, что взгляды Е.В. Кузнецова и даже, вероятно, его мировоззрение менялись, ибо сильно менялся окружающий мир. Но как и под влиянием каких внешних факторов происходили эти изменения, можно лишь догадываться.

Так каким же в итоге предстает в архивных документах Евгений Васильевич Кузнецов – ученый-историк и человек?

Если коротко, то личностью яркой и противоречивой. Трудно отделаться от мысли, что человек науки неведомо зачем ушел в область сначала неглубокого «культпросвета», а затем и просто политизированной публицистики, внутренне соглашаясь на понижение научного уровня – прежде всего, своего собственного.

Разумеется, архивные источники не исчерпываются личным фондом Е.В. Кузнецова. Управленческие и финансовые документы университета и факультета способны достоверно показать административную деятельность декана, а протоколы заседаний партийных комиссий – приоткрыть завесу над личной жизнью профессора. Но стоит ли такая овчинка выделки? Ведь для ученого главный критерий оценки – научные исследования. Пройдут десятилетия, забудутся личные счета и расчеты восторженных почитателей и непримиримых противников, уйдут в небытие лироэпические сказания о метресах и попойках, но останется главный вопрос: можно ли считать Е.В. Кузнецова выдающимся ученым, то есть первооткрывателем перспективных направлений в науке и основателем исторических школ?

Спору нет, среди тех, кто работал под его руководством или учился при нем на истфиле, немало самобытных исследователей, но открыла ли выпестованная им в 1980-е гг. профессура новые горизонты научных исследований общероссийского уровня – такие, чтоб не стыдно было?

Судить об этом, разумеется, не нам, архивистам. Архивисты вообще не судьи, а всего лишь добросовестные хранители тех документов, которые сданы в архив. И если работы историка выдержали проверку временем, а его выводы востребованы в новейших исследованиях, то неизбежен интерес к личности ученого, к процессу зарождения и развития его научных взглядов. В этом случае архивные документы позволят удовлетворить этот интерес, высветить личность в науке, как это произошло с С.И. Архангельским, Н.П. Соколовым, В.Т. Илларионовым, Н.И. Приваловой, а сейчас происходит с Н.Г. Бережковым. Если же публикации останутся лишь в качестве уточняющего факта для узкого круга специалистов, то и личность автора едва ли вызовет интерес историографов. И тогда от кумира былых времен останется лишь черточка между двумя датами или, в лучшем случае, сноска в академической монографии или справочнике. Архивный же фонд личного происхождения обречен оставаться невостребованным, но мы будем продолжать бережно хранить его со слабой надеждой, что авось когда-нибудь он станет интересен – Бог весть, кому и зачем.

Примечания

1. Примечательно, что Е.В. Кузнецов сформировал и передал в архивы Нижегородской области не один фонд своих личных документов, как это делают обычно ученые, а три фонда. Основной фонд хранится в ЦАНО; еще один – в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области (ГОПАНО. Ф. Р-7866; пять описей, 591 ед. хр. за 1904–2023 гг., преимущественно об общественной деятельности), а третий фонд – в Государственном архиве Нижегородской области, находящемся в Арзамасе (ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-3309. Оп. 1. 44 ед.хр. за 1955-2007 гг.; передан по договору дарения в 2011 г.).

2. Копия диссертации хранится в ГАНО, г. Арзамас: Ф. Р-3309. Оп. 1. Д. 10. По тексту есть пометы неустановленного лица.

3. Кроме того, черновые материалы к диссертации (многочисленные выписки и хронологические таблицы) отложились в ГАНО, г. Арзамас: Ф. Р-3309. Оп. 1. Д. 25, 26, 27.

4. См., например, статью 2001 г. «Виклифизм и нонконформизм: веселый лоллард Рэммесбери» (ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-3309. Оп. 1. Д. 21. См. также другие публикации по медиевистике последующих лет: там же, дд. 16-18).

5. Пользуясь случаем, уместно обратить внимание на одно существенное разночтение. В справочной литературе указывалось, что Н.Ф. Филатов защитил кандидатскую диссертацию в Горьковском государственном университете в 1979 г., с присвоением степени «кандидат архитектуры» (см., например: Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века. Биобиблиографический словарь. Том 3. М., 2017. С. 351). В действительности автореферат был представлен Н.Ф. Филатовым на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Оп. 1. Д. 100), что и логично, так как в ГГУ не было диссертационного совета по архитектуре.

6. Соавтором Е.В. Кузнецова в этой работе был профессиональный журналист и преподаватель культпросветучилища из г. Мелитополя З.Г. Дубровский. См. также их переписку (Оп. 2. Д. 21; Оп. 3. Д. 86).

7. В личном фонде Е.В. Кузнецова нет документов, подтверждающих, что он как декан был инициатором приглашения В.Н. Емельянова и Е.С. Евсеева для чтения лекций студентам историко-филологического факультета. Но сама практика приглашения иногородних лекторов получила при Евгении Васильевиче широкое распространение. В частности, автор этих строк в конце 1979 г. прослушал двухнедельный курс по методике полевой археологии, прочитанный ученым-историком из МГУ И.В. Поздеевой. Группу студентов, добровольно записавшихся на этот курс, распоряжением декана освободили на это время от всех других занятий. Непревзойденный профессионализм Ирины Васильевны Поздеевой,

высочайший уровень ее лекций стали важным этапом в выборе моей дальнейшей специализации.